

I

Мечтания о золотой поре...  
Ах, детству Чингистау нет возврата!  
Одна услада – на черте заката  
Твои рассказы, бабушка Зере.  
О, эти сказы! Стужа в январе,  
А сердце страхом, радостью объято,  
Когда ведомы выдумкой богатой  
Батыры, мнилось, бьются на дворе.  
И воют волком дальние лощины.  
Но ласковы у бабушки морщины,  
Дарующие веру и покой.  
Забыта боль отцовской нелюбови.  
И светлый сон заботливой рукой  
Сомкнул глаза, расправил тихо брови.

II

Прикрыл глаза, расправил тихо брови, –  
Который год он в стенах медресе?  
Сверкают в нём, подобные росе,  
Слова надежд, открытых в книжной нови.  
Ахмет-Риза час от часу суровой:  
Абай – ослушник, не такой, как все.  
Легендою о недостойном псе  
Грозит мулла, и розги наготове.  
Абаю по душе святой Коран,  
В нём суры все воистину прекрасны!  
Но разве книги русские опасны?!  
Молчит наставник. Бесится буран.  
А жизнь полна условий и пресловий  
И стоит много разума и крови!

III

И сколько портишь разума и крови  
Ты, родовая распря и вражда!  
Тебя питают злобою нужда,  
Овечий мор или падёж воловий.  
Навет и подкуп вкупе наготове  
Перед лицом третейского суда...  
Абай, Абай, летят твои года,  
Как вольных птиц ты их потом не словишь.  
Трудись, Абай. Пытливый твой народ  
В неведение, но ждёт твоих щедрот,  
И в родовом суровом прозябанье  
Вынашивает думу о добре...  
Абай в судейском форменном чапане  
Идёт навстречу утренней заре.

IV

Идёт навстречу утренней заре  
Бесстрастный бий, поэт или мечтатель?  
Он будет благодарен этой дате,  
Отмеченной в степном календаре.

Ему покойно грезить на бугре  
Столетий... Время, не спеши, предатель.  
Ещё мне рано думать об утрате,  
Что скачет на разгневанном буре  
И исчезает за холмистой далью,  
Пронизанной и светом и печалью...  
Восход дрожит на травах, на домбре,  
На листьях вётел, дремою объятых,  
На облаках недвижимых, но крылатых  
И на халата полах в серебре.

V

На полах чапана, что в серебре, –  
Едва приметный след дорожной пыли,  
И тучи белогрудые уплыли,  
Как кюи, сыгранные о себе.  
Но всё, что спето о богатыре –  
Легенды, сказы, а быть может, были  
Номады степи в сердце сохранили,  
Как суры Магомета о добре.  
Абай, Абай, не начаты дороги:  
Ты только утвердился на пороге  
Того пути, где кончиком пера  
Означена в простом правдивом слове  
Подвижничества строгая пора, –  
Тропа надежд, дерзанья и злословий.

VI

Тропа надежд, дерзанья и злословий,  
Ты поросла мечтами, как быльём.  
В трудах он день проводит. А потом  
Помчится в степь и каждый призрак ловит,  
И виноградной ягодою в плове  
Его манит звезда тугим лучом,  
И резкий щёлк взрывается бичом  
Над крупом скакуна, сеча до крови.  
Что значит истина? И что любовь? Любовь, –  
Она, как повод, в кулаке зажата!  
Но лжёшь ты, сердце, и тебе расплата  
То слёзы Салтанат, то предков зов...  
Перечитав седых преданий повесть,  
Постигнул он любовь, разлуку, совесть.

VII

Постигнул он любовь? разлуку? совесть?  
Его приемлют знатные верхи?  
Молчит Абай, безмолвствуют стихи, –  
Мудрец не в дружбе с миром пустословий!  
Его творения приверженец усвоит,  
И в час, когда особенно тихи  
Джайляу, чутки в сёдлах пастухи  
И даль степная что ни миг лиловей –  
Кокпай поёт их и несёт в народ...  
Стихи кочуют так из рода в род,  
Им внемлет степь в надежде и тревоге.

Стихи бунтуют в юрте, на ковре  
И согревают под шатром убогим.  
Стихи – огонь на кочевом костре!

#### VIII

Стихи – огонь на кочевом костре!  
Потоком низвергаются с отрогов,  
И «Выхожу один я на дорогу»  
Уж не твердит он грустно на заре.  
О, Лермонтов – Алтаю, Сыр-Дарье  
Ты подарил мятежную тревогу.  
И не судья внимательно и строго –  
Акын глядит в степную даль, прозрев.  
Из беспредельных ширей Казахстана  
Баян-Сулу, и русская Татьяна  
Зовут на дружбу вечную сердца.  
И лезвием дамасского кинжала  
Он вырезал на память три венца –  
Домбра, подобно лире, зазвучала!

#### IX

Домбра набатным гимном зазвучала.  
Отныне она не подпевала, а творец!  
Пусть отрешил несправедно отец  
И предали анафеме фискалы, –  
Обрёл он свету и добру начало  
И слабодушию определил конец.  
Он мужем стал, он больше не юнец:  
Так много прожито, а сделано так мало.  
Так много отдано раздорам... Но уйми  
Свой гнев, Абай, теперь он беспричинен:  
Нет места ни сомненьям, ни кручине.  
Певучие газели Низами  
С чела теснят угрюмость и усталость:  
Пора свершений, видит Бог, настала!

#### X

Пора свершений, видит Бог, настала...  
Сын в Петербурге учится, растёт.  
Но не забыл, влечёт его, влечёт  
Родная степь, как в детстве зазывала,  
Дурманя полынком, чаруя маком алым.  
И сын второй – священной дружбы плод,  
(Он сладкие надежды подаёт),  
Померялся в айтысе с аксакалом.  
Опора жизни, радость – сыновья,  
Абдурахман и юный Магавья,  
О, далеки волнений ваши сроки!  
Выстраиваются в ряд, к звену звено,  
То Физули, то пушкинские строки.  
Но почему за окнами темно?

#### XI

Поют в степи. За окнами темно...  
А зимний вечер, как кочевье долог.  
И мудро разливает Долгополов

В сосуды предков терпкое вино, –  
На дружбу приготовлено оно!  
Абай догадок и открытий полон:  
– Я приоткрою над судьбою полог,  
От нас сокрывший истину давно!  
Глаголы, сердце жгущие, взыграли,  
Всему есть место: радостям, печали...  
– Дарует вдохновение народ.  
Иди своей дорогою без страха! –  
И россиянин крепко руку жмёт,  
Приветствуя великого казаха.

## XII

Приветствуя великого казаха,  
Спешат к нему желанные друзья.  
Так долго, умоляя и грозя,  
Он вызволял поверженных из праха,  
Из бытия немого, словно плаха:  
Честь и свобода, – жить без них нельзя!  
О ты, провидца гордого стезя,  
То мчишься в бездну, то к вратам Аллаха.  
Абай себя друзьям приносит в дань.  
Земля родная, поднимись, восстань.  
И устремись к вершинам совершенства!  
Он пыль забвенья отряхнул давно:  
Какое это острое блаженство:  
Пирует юность, с ней он заодно!

## XIII

Пирует юность. С ней он заодно?..  
Как горько, как жестоко он обижен.  
Проходят годы, старость ближе... ближе, –  
Джигитов хоронить ей суждено!  
Звезда летит в открытое окно.  
О, пролети ты мимо, пролети же...  
И голова склоняется всё ниже  
Над гробом сына: он увидел дно.  
Грудь разрывает боль о старшем сыне...  
О, ад небес, куда же деться ныне:  
В гробу лежит любимец Магавья?!  
Им жил Абай – в грядущем весь, с размаха  
Мостом над бездной положив себя,  
Не зная ни безверия, ни страх.

## XIV

Познал безверье, не избегнул страха?  
В груди не стон, не горькая мольба, –  
Поэт один, и перед ним судьба,  
Возникшая из мирозданья мрака.  
Разорвана у ворота рубаха, –  
За юность продолжается борьба!  
Не зарастёт к нему любви тропа  
И не погаснут знаки Зодиака!  
Он не сорвётся в бездну с крутизны.  
Его стихи, как марш Курмангазы,

Расправив крылья, плавно и свободно  
Летят навстречу утренней заре,  
Осенены любовью всенародной  
Мечтания о золотой поре.

XV

Мечтания о золотой поре...  
Прикрыл глаза, расправил тихо брови:  
О, сколько портишь разума и крови,  
Стремясь навстречу утренней заре!  
На полах чапана, что в серебре –  
Следы надежд, дерзанья и злословий.  
Постигнул он любовь, разлуку, совесть,  
Стихи – огонь на кочевом костре.  
Домбра набатным гимном зазвучала:  
Пора свершений, видит Бог, настала.  
Поют в степи. За окнами темно.  
Приветствуя великого казаха,  
Пирует юность, – с ней он заодно,  
Познав сомненья, но избегнув страха!